

А-Сы застыл с вытаращенными глазами и приоткрытым ртом. Прямо посреди его лба зияла кровавая дыра, из которой тонкой струйкой стекала кровь, прочерчивая жуткий след по переносице.

— А-Сы!!!

Подоспевшие товарищи подхватили обмякшее тело, рухнувшее на землю. Один из людей в черном нащупал пульс на шее и в ужасе воскликнул:

— Мертв! Камешек пробил череп насквозь!

Для такого удара требовалась поистине выдающаяся внутренняя сила. Все присутствующие мгновенно напряглись, озираясь по сторонам в поисках невидимого врага. Однако поблизости никого не было — лишь на старом иссохшем дереве сидела маленькая девочка в красном. Когда люди в черном заметили, что она небрежно подбрасывает в руке несколько камешков, их лица перекозились от страха.

— Э-это... ты сделала? — дрожащим голосом спросил один из них.

— Уже упал? А я ведь даже не успела насладиться выражением его лица, — девочка разочарованно вздохнула, будто сломала любимую игрушку раньше времени. — Кажется, я переборщила.

От этих слов у слушателей по спине пробежал холодок. Неужели это ребенок? Как у нее язык повернулся сказать такое? Это было пугающе.

— Кто вы такая? — один из черных плащей сжал кулаки, пытаясь сохранить самообладание. — У вас есть счета с нашим павильоном Темной Луны?

Услышав название, Дугу Цзюэ едва заметно прищурилась, и на её губах заиграла легкая улыбка, скрывавшая неведомые мысли.

— О, так вы из западного павильона Темной Луны? И что же занесло вас в Центральные равнины? — она рассмеялась. — Не знаю, есть ли у меня к вам претензии. Просто играла с камешками, а тут увидела, как толпа взрослых мужчин обижает девушку. Вспомнила слова сестры: видишь несправедливость — помоги. Меча у меня нет, вот и пришлось воспользоваться тем, что под рукой.

— Ты... — один из нападавших рванулся вперед, но его удержал товарищ.

— Раз у вас нет счетов с нашим павильоном, то прошу не вмешиваться. Это наше внутреннее дело.

— А если я всё же хочу вмешаться? — Дугу Цзюэ кокетливо моргнула. Изначально она не собиралась тратить силы, но теперь передумала.

— Тогда вам стоит хорошо подумать. Это значит объявить войну всему павильону Темной Луны, — взгляд черного плаща стал угрожающим.

Дугу Цзюэ, заметив, что они решили пойти на убийство, лишь усмехнулась:

— Боюсь, у вас не будет шанса доложить об этом начальству.

Она оттолкнулась от ветки и взмыла в воздух. Яркое красное пятно замелькало среди черных силуэтов — скорость была такой, что враги даже не успели обнажить оружие.

Пфф!

Один за другим люди в черном отлетали в сторону, извергая потоки крови. Лишь когда Дугу Цзюэ оказалась прямо перед Семнадцатой, та очнулась от оцепенения.

Девочка, чье лицо напоминало тонкую фарфоровую работу, с отвращением нахмурилась, глядя на капли крови на своих ладонях. Она любила красный цвет, но ненавидела, когда грязная кровь пачкала руки. Достав платок, она поняла, что поблизости нет воды, и её гримаса недовольства стала еще выразительнее.

Семнадцатая, словно замороженная или до смерти напуганная, машинально прошептала:

— На... на спине лошади есть фляга.

Дугу Цзюэ бросила мимолетный взгляд на тяжело раненую Семнадцатую, достала из-за пазухи пузырек и кинула его ей, после чего направилась к лошади. Семнадцатая открыла крышку и понюхала содержимое. Небесный снежный лотос! Лекарство от всех ядов! Она в недоумении посмотрела на странного ребенка. Откуда у неё такое сокровище? Будучи убийцей павильона Темной Луны, она была вынуждена принимать их особый яд. Он не убивал сразу, но без ежемесячного противоядия вызывал мучительные боли, словно тело разрывали тысячи насекомых.

Дугу Цзюэ тем временем налила немного воды на платок и принялась старательно очищать свои пальцы, не удостоив Семнадцатую ни единым взглядом. Закончив, она подошла ближе и, заметив, что та всё еще ошарашенно смотрит на пузырек, приподняла бровь:

— Пока я не передумала... ешь.

Это лекарство было ценным, но для её планов эта женщина стоила дороже. Семнадцатая пришла в себя, проглотила две пилюли и, преодолевая боль, низко поклонилась:

— Благодарю за спасение, благодетельница.

Дугу Цзюэ усмехнулась:

— Не нужно такой серьезности, красивая сестрица. Я никогда не делаю того, что мне не выгодно. Говорят, на каплю добра нужно отвечать фонтаном благодарности. Я спасла тебя, чтобы ты мне отплатила.

Семнадцатая на миг замешкалась. Она не ожидала таких слов, но для убийцы это был привычный порядок вещей — быть должником опаснее всего.

— Эта жизнь теперь принадлежит вам. Если у вас есть приказ, Семнадцатая исполнит его беспрекословно.

— Ты из павильона Темной Луны?

— Да.

— Почему тебя преследуют?

— Провалила задание, — Семнадцатая сжала зубы, вспоминая Четырнадцатого, который погиб, защищая её.

— А если я прикажу тебе вернуться в павильон, ты подчинишься?

Семнадцатая вздрогнула, но ответила:

— Семнадцатая жива лишь благодаря вам. Если бы не вы, я бы уже была мертва. Моя жизнь принадлежит вам, я подчинюсь.

Дугу Цзюэ удовлетворенно кивнула:

— Не бойся. Раз я спасла тебя, то не позволю пропасть своим дорогим лекарствам и не пошлю тебя на верную смерть.

Семнадцатая с изумлением смотрела на двенадцатилетнюю девочку. Неужели у неё хватит сил защитить её от гнева хозяина павильона? Дугу Цзюэ, заметив её сомнения, достала два листа бумаги:

— Покажи это главе павильона. Он не только не накажет тебя, но и начнет ценить еще больше.

Семнадцатая взяла листы — это были записи по внутренней технике ци.

— Что именно вы хотите, чтобы я делала в павильоне?

— Просто завойю доверие главы, стань его правой рукой. А когда придет время, я дам знать.

Семнадцатая смотрела на ребенка, от которого исходила пугающая, порочная аура. Эти глаза, черные как оникс, подавляли волю. Интуиция убийцы подсказывала: эта девочка не просто необычна, она смертельно опасна. Впрочем, разве может обычный ребенок за одно мгновение

перебить лучших мастеров? Но в ней была магия, от которой невозможно было отвести взгляд.

— Семнадцатая поняла.

— Семнадцатая — это твое настоящее имя?

— Нет, — в глазах девушки мелькнула печаль. — Я сирота. Это лишь порядковый номер в организации.

— Твой яд нейтрализован, ты больше не рабыня павильона. С этого дня ты не Семнадцатая. Отныне тебя зовут Е Семнадцатая. Новое имя, новое начало, новый хозяин.

Дугу Цзюэ улыбнулась так сладко, что у девушки перехватило дыхание.

— Слушаюсь. Отныне вы — госпожа Е Семнадцатой.

Она опустилась на одно колено, прижала правую руку к груди и произнесла высшую клятву убийц:

— Эта жизнь отныне принадлежит моей госпоже.

— Клятвы — лишь пустые слова, чтобы обманывать других, — отмахнулась Дугу Цзюэ, стряхивая снежинки с плеч. Она никому не верила, кроме сестры, и уж тем более не верила в клятвы.

Е Семнадцатая замерла. Высшая клятва — и для неё это лишь шутка? Она горько усмехнулась, нажала на точку на груди, перенаправляя ци к запястью, и полоснула себя по руке.

— Если госпожа сочтет меня достойной, прошу, капните своей крови на мою рану.

Дугу Цзюэ приподняла бровь. Она читала об этом — кровавая клятва Западных земель. Каждый житель тех краев носил в себе «кровного червя»: человек и червь связаны навеки, смерть одного означает смерть другого. Если дать такую клятву добровольно, жизнь оказывается в руках другого человека. Если же присягнуть неискренне, червь пожирает хозяина изнутри. Именно поэтому глава павильона не использовал этот метод, предпочитая яды.

Не ожидая такой преданности, Дугу Цзюэ, глядя в решительные глаза девушки, слегка порезала свой палец. Кровь смешалась, и Е Семнадцатая почувствовала странное волнение. Мгновение — и рана на руке бесследно исчезла.

Дугу Цзюэ взглянула на трупы:

— Ты знаешь, что делать дальше.

Семнадцатая понимала. Она посмотрела на своих бывших товарищей — тех, с кем росла бок о бок.

— Как убийца, ты не должна нуждаться в моих советах, — холодно произнесла Дугу Цзюэ. — Хочешь жить — не будь милосердной. В нужный момент товарищ становится врагом. Жалость к врагу — это жестокость к самой себе. Вспомни, как они поступили с тобой.

Эти слова попали точно в цель. Е Семнадцатая сжала кулаки. Она совершила фатальную ошибку: не смогла убить младенца, который улыбнулся ей. Эта слабость стоила жизни Четырнадцатому. Она дорого заплатила за свою доброту.

— Е Семнадцатая поняла, — склонила голову девушка.

— Помни, твоя жизнь теперь моя. Если предашь — заставлю заплатить сторицей.

Когда Семнадцатая подняла взгляд, госпожи уже не было. Она крепко сжала пузырек, глядя туда, где исчезла девочка. Семнадцатая не знала, что их следующая встреча произойдет лишь через три года.

<http://bllate.org/book/19784/1949658>